

Андрей Дрожжин

18+

Одураченный случайностями (Борщ)

Андрей Дрожжин

**Одураченный
случайностями (Борщ)**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Дрожжин А.

Одураченный случайностями (Борщ) / А. Дрожжин — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Встреча писателя с режиссером могла сулить появление интересного творческого тандема, но получила неожиданное развитие. Настолько неожиданное, что перевернуло мировоззрение писателя.

Несколько дней назад утром позвонил мой издатель, Виктор Станиславович, и сообщил, что со мной хочет встретиться один человек. Голос у издателя был взволнованный. По нашему короткому разговору я почувствовал, что говорить Виктору Станиславовичу тяжело и неприятно.

Человек, что искал со мной встречи отрекомендовался ему режиссером, которого заинтересовали мои книги и он хотел бы поработать совместно. С одной стороны, я был рад и понимал, что это нормальная практика, когда неизвестного, пишущего под псевдонимом автора, с весьма умеренными тиражами книг находят через доверенное, а таким и был издатель, лицо. А как по-другому найти начинающего писателя? С другой стороны, я чувствовал, что тревога Виктора Станиславовича связана совсем не с тем, что меня возьмут в раскрутку киношники и я забуду о нем. Тут было что-то другое, о чем он не говорил.

– Когда? – спросил я.

– Сегодня, в час, в кафе на бульваре.

– Хорошо. А он не спросил: смогу ли я?

– Нет, – сказал, как отрезал издатель.

– Как его зовут?

– Не знаю, – буркнул Виктор Станиславович.

– Не Бондарчук? – я попытался развеселить старика, но не вышло.

– Андрей! – грозно обратился ко мне он.

– Тарковский?

– Нет! Ты Андрей. А он не Тарковский, и не Спилберг, и не брат Коэна, – еще более недовольно ответил издатель.

– Из какой студии тоже не известно?

– Не известно.

– А как я его узнаю?

– Никак. Он сам к тебе подойдет.

– Виктор Станиславович, вы меня извините за эти вопросы, но я же должен знать. Вы же сами не рассказываете.

– Чего рассказывать? Я сам ничего не знаю. Он мне никаких подробностей не называл. Назначил встречу и просил, чтобы ты с книгой пришел, чтобы он тебя узнал. Вот и все.

– Со своей?

– С той, которую в руках видно будет, – после короткой паузы, язвительно произнес Виктор Станиславович, имея в виду скромные размеры моих изданий.

– Ок, – обиженный таким сарказмом ответил я. – Буду с БСЭ.

– Будь. Все, пока.

На этом разговор закончился. Издатель бросил свою трубку, а я остался слушать его короткие гудки в своей.

Издевка Виктора Станиславовича, произнесенная в ситуации, когда мне, может быть, вот-вот крупно повезет быть экранизированным, довольно здорово меня задела. Я посмотрел на полку, где мои брошюры стояли в тени книг более именитых авторов и едва виднелись между томов энциклопедий, и подумал о том, что, он мог бы увеличить шрифт и межстрочные интервалы, добавить иллюстраций, сделать нормальный, твердый переплет, короче, пойти на некоторые несложные хитрости, чтобы в результате книга стала похожей на книгу, а не на руководство по эксплуатации какого-нибудь бытового прибора. Но не пошел, а теперь насмехается. С другой стороны, обижаться на него после всего сделанного для меня, значит показать себя неблагодарным свином.

«Да, – пытаюсь переключиться на другое, продолжал думать я, – конечно, это не мировые шедевры, но почему бы не найтись талантливому режиссеру, способному вытащить из моей

книги всю вложенную в нее глубину и, может быть, даже лучше меня, автора, показать ее в своем фильме. А показать-то есть что. Ведь вкладывал же я в эти книги свою душу! И смысл пытался чтобы в них тоже был. Возможно, у меня не очень хорошо со стилем; я не слишком силен в описаниях; не исключаю, что и русский язык мой не на высоте... Но смысл-то от этого не страдает!? Или страдает? Так он на то и режиссер, чтобы невзирая на манеру изложения увидеть замысел автора и раскрыть его во всех красках доступных современному синематографу. Бывают же такие сильные экранизации? Конечно. И он, режиссер, должен хотеть и стремиться стать лучше автора, чтобы зрители могли сказать: «Да что там книга! Вы вот фильм-то видели? Вот это шедевр!» И уж тогда, после его выхода я сам посмотрю: стоит ли мне сотрудничать с таким издателем-приколистом?»

До встречи оставалось три часа. Первый я провел в размышлениях о том, какую бы книгу взять с собой на знакомство. Остановился я, перебрав огромное количество вариантов, на самой первой, попавшейся мне на глаза, – ее давно уже пора было куда-то применить, так как для чтения она ни коим образом не годилась. В выборе «произведения» под названием «Одураченные случайностью» подкупило меня практически все: большой формат, множество страниц, дурацкое название и ядрено-зеленый, заметный издали цвет обложки. Кроме того, литература, наверняка, считается умной и даже просветительской в некоторых кругах, а значит в лицах редких знатоков я тоже могу сойти за своего, умного, то есть. Сие открывает еще одно немаловажное обстоятельство, грех которым не воспользоваться. Знакомство с какой-нибудь запутавшейся в череде одурачивших ее случайностей красоткой с подобным трудом в руках представляется весьма вероятным. Самое же главное, что эту книгу, подаренную мне мало-знакомым человеком, практически на бегу, я совершенно не боюсь потерять, порвать, измять, испачкать, забыть и тому подобное. В общем, она просто идеально подходит ситуации.

Второй час и начало третьего я, окончательно позабыв о своей обиде и тревогах Виктора Станиславовича, представлял себе образ режиссера и репетировал реплики из разговора, которому только суждено было состояться. Я полностью растворился в этом занятии, придумывая и вопросы, и замечательные, остроумные, да и просто умные ответы на них. Причем старался, как за себя, так и за режиссера. Он, кстати, должен оказаться полной моей противоположностью: симпатичный, щеголеватый, улыбочивый парень, несколько моложе меня. На встречу он придет с большой кожаной темно-бардовой сумкой на длинном ремне, в темных стильных очках и с молодой некрасивой ассистенткой. Закажет, как это сейчас принято, чайничек зеленого чая, который я, не взирая на модные тенденции, не пью, да так за одной чашкой и просидит целый час нашей беседы. Не смотря на такую несхожесть, разговор у нас «завяжется» легкий, непринужденный, веселый, но деловой и содержательный. Сойдемся мы на том, что «литература уже не та, а многая и не литература вовсе, а сплошное вредительство», которое все больше проникает к нам под видом псевдонаучного чтения, написанного заморскими политехнологами и запущенного по миру с целью расстроить планы людей на всеобщее сплочение, любовь и гармонию. Никаких других целей макулатура, рассказывающая о карьерном росте, самоорганизации, моделях поведения, стремлении быть лидером, умении держаться в обществе, правильно разговаривать по ситуации, преодолении комплексов и рефлексий, короче, натаскивающая отдельно взятого недобравшего воспитания и уверенности в своих силах индивида на успех планетарного масштаба, не имеет. Кроме как быть наглым, хамоватым, напористым и беспринципным достичь подобных вершин в жестоком современном мире невозможно, и ничему другому, если опуститься до анализа прочитанного, а не слепо ему верить, данный сборник инструкций не научит.

Больше про встречу я ничего придумать не успел.

Приехал я на полчаса раньше назначенного режиссером времени скорее всего по причине волнения. В качестве бонуса за это в кафе мне посчастливилось занять очень хороший столик у

окна. Правда, довольно быстро я захотел пересесть, но все свободные места уже заняли одно-моментно, словно по звонку, пришедшие на бизнес-ланч.

За столом напротив ел и сверлил меня взглядом очень неприятной наружности тип: невысокий, с маленькой круглой головкой, безобразного желто-соломенного цвета короткими по бокам, но длинными на макушке волосами, въедливыми редко моргающими голубыми глазами, маленьким, сродни всей голове, ротиком с тонкими губами и чуть вздернутым коротким носом. За манеру принимать пищу, то низко наклоняя голову к тарелке, то выпрямляясь и сопя, я прозвал изучающего меня Гусем. Пялится он не перестал даже когда к нему пришла и села рядом высокая, стройная девушка в миниюбке. Она появилась из-за моей спины, но, успев увидеть ее мельком и сбоку, я отметил, что она ко всему еще и симпатичная. После ее прихода пересаживаться, не смотря на слезку Гуся, уже не хотелось. К тому же, на другом месте солнце слепило бы в глаза, да и севший за соседний столик толстяк совершенно задвинул второй мой стул.

«Да, что ж Гусь на меня все смотрит-то?! – бесконечно переводя взгляд с ног на профиль девушки, думал я. – Такая краля к нему пришла, а он на меня пялится. Лучше бы почаще на нее смотрел и в тарелку поглядывал, – капли, вон, на рубашку летят. Зачем я так рано приехал? Режиссер наверняка вовремя не придет... Нет, ну правда, задолбал! Тоже что ли из этих, «одураченных»? Своего разглядел? Работает, видать, книжонка! А взгляд, как у следователя...»

К сожалению, я оказался прав, – режиссер опаздывал уже на десять минут. От Гуся только что ушла его красotka, а я уже устал крутить в руках «Одураченных случайностью», дабы приблизить момент своего спасения. И оно пришло внезапно. Гусь встал со своего места, бросил салфетку в пустую тарелку и подошел ко мне.

– Захар, – безмерно улыбаясь сказал он и протянул мне здороваться свою ладонь, как-то странно выгнув ее, словно показывал лежащее в ней удостоверение.

Даже оранжевое лоснящееся пятно борща на указательном пальце, хоть и смущало меня, но не вызывало такого неприятия, как эта вывернутая наизнанку ладонь. Режиссер словно специально демонстрировал мне ее, типа: «смотри, только палец испачкался, а остальное-то все чисто!»

«Странно, как это можно не заметить, что рука испачкана? – подумал я, разглядев подтек не только на пальце, но и на ладони. – Ладно не заметил, что рубашку на груди обкапал, но руку-то? И вывернул ее еще, как лягушка!»

Почему именно лягушка пришла мне в голову, – она, вроде, ничего не выворачивает, хотя я не знаток земноводных, может и выворачивает, – не понятно. Я нехотя, не отрывая взгляда от указательного пальца режиссера потянулся рукой к его руке, как вдруг он, ойкнув, отдернул свою и, вытерев ее о штанину, обнял мою ладонь в крепком рукопожатии.

– Вот теперь нормально, – кивнув, сказал режиссер, несколько запоздало резюмируя, что теперь его рука приведена в порядок.

– Андрей... – ответил я и не без труда вытащил из его хватки принадлежащую мне руку.

– А я за вами наблюдаю, – потряс чуть ли не перед самым моим носом вытертым пальцем новый знакомый.

– Зачем?

– Очень интересно! Вы знаете, это очень интересно наблюдать за другими людьми. Подмечать за ними чего-то...

– Да, за другими подмечать гораздо проще, чем за собой, – перебил его я и специально улыбнулся, чтобы правда сошла за шутку.

– Точно, точно! – мелко засмеялся Захар.

– За мной за сорок минут что-то интересное увиделось?

– Нет, – резко прервал смех режиссер. – Кроме этой дурацкой книги ничего.

– Что ж в ней дурацкого?

– Цвет и название, – без раздумий ответил Захар.
– Странное сочетание признаков дурацкой книги. Особенно учитывая содержание материала, – ответил я.

– Вы верите таким книгам?

– Я не читал ее. Вы просили меня быть с книгой, я взял специально эту, чтобы быть вами признанным: в ней достаточно много страниц, обложка яркая, а название привлекает внимание.

– Вот именно на эти особенности и сделал акцент автор, – резюмировал Гусь, как заправский редактор. – А написана в ней, должно быть, полная чушь!

– Какие же книги вам нравятся?

– Где только правда.

– Да таких и нет! Даже автобиографии могут содержать недостоверные факты. Авторы всегда хотя бы немного преувеличивают, а проверить их, зачастую, невозможно... Вот может быть Федор Конюхов про себя ничего кроме правды не писал...

– Почему именно он? – задумчиво спросил режиссер.

– Ну, потому, что он человек глубоко верующий...

– Недостоверная информация, говорите... – еще более задумчиво произнес режиссер себе под нос. Похоже он меня уже не слушал.

– Захар, вы не режиссер, – сменил тему я, чтобы вывести его сначала из ступора, а потом и на «чистую воду».

– Да? – улыбнулся мой собеседник и внимательно посмотрел на меня. – А кто же тогда?

– Вы из органов.

– Да? Интересно! Из каких?

– Может сами расскажете, если уж я прав?

– Ну что ж... из каких не скажу, но из органов это точно. Давайте присядем и борща поедим.

«Режиссер» вывернутой ладонью указал мне на стул, с которого я поднялся, чтобы приветствовать его, а сам сел напротив, благо толстяк уже ушел и не мог помешать ему выдвинуть стул. Я сел, понимая, что уже начал подчиняться его указаниям. Настроение ухудшалось прямо на глазах.

– Борща? – спросил Захар.

– Вы же уже ели, – ответил я.

– А вы нет. И зря. Здесь отменный борщ. Я его очень люблю, поэтому съем еще тарелочку.

– Вторую? – бесцеремонно спросил я.

– А вы тоже наблюдательный! – ничуть не обидевшись, сказал Захар.

– Я же писатель...

– Нет, третью. Я еще до вашего прихода одну съел. Когда борщ, то я не беру второе, а съедаю несколько тарелок. За хорошим разговором до пяти штук! Так что... Так, – прервался на проходящего мимо официанта «режиссер», – нам два борща и две порции чесночных гренков. Что? А, да, ржанных, конечно.

Официант ушел, а мы стали рассматривать друг друга словно только увиделись. «Вот зверушка какая – пять порций! Буду-ка я называть тебя Борщ», – подумал я и первый отвел глаза.

– Я читал все ваши книги.

– Все? Зачем? Вам, любителю правды, они вряд ли подходят. В них одна выдумка.

– Не стану скрывать, – пришлось.

– А сами бы не стали?

– Сам?... О, вот и борщ! Быстро работают, молодцы!

Официант поставил перед нами дымящиеся тарелки, пиалки с гренками, и пожелав приятного аппетита, удалился, помахивая подносом.

– Так что же с чтением без принуждения? – спросил я.

– Ну-у-у! Про принуждение это вы зря. По долгу скорее. А разве я не ответил?

– Нет. Официант появился.

– Ну я же в тот момент что-то сказал?

– Что борщ принесли.

– Разве это не ответ?

– Это ответ на вопрос: принесли ли борщ?

– Нет. Мы же с вами не слепые и оба видим, что его принесли. Стало быть, это был именно ответ на интересующий вас вопрос, а не констатация очевидного.

«Вот это вывернулся! – подумал я. – Хоть и молодой, но матерый. Что-то я совсем ничего не понимаю...»

– О чем думаете? – хлебная борщ, и то и дело наклоняясь к тарелке и выпрямляясь, спросил Захар.

– Та девушка, которая вместе с вами сидела тоже из органов?

– Девушка? – удивленно посмотрел на меня «режиссер» и перестал есть. – Какая девушка? Со мной не было никакой девушки. Я один пришел...

– Она тоже пришла одна и села за ваш стол. Вы вместе обедали, разговаривали. Только смотрели вы больше на меня, а не на нее... Может потому и не запомнили?

– Не только зоркий глаз, но еще и острый язык! – весело ответил Борщ и с еще большим вождением вернулся к своему борщу. – Не слушайте, я пошутил. Девушка была, девушка ела, девушка не из органов. Моя знакомая. Недалеко работает и мы иногда с ней обедаем здесь. У нее в это время обед, вот я и решил совместить две встречи. Угу? Официант!

Разговор перестал казаться мне забавным, а происходящее, принятое вначале за игру, стало нервировать. Я старался как мог успокоить себя, чтобы не показать насколько мне, учитывая сорок минут созерцания поедающего борщ Гуся, все это опротивело, что я хочу, как можно быстрее узнать для чего эта встреча и распрощаться с ним навсегда.

– Захар, что вы хотите?

– Борща еще тарелочку. Вы будете?

Подождал официант. «Режиссер» сделал заказ и вопросительно посмотрел на меня. Я отрицательно помотал головой.

– Ну, хорошо. Тогда один. И гренки, – крикнул он вслед уходящему официанту.

– Ржаные? – весело и не оборачиваясь, спросил тот.

– Идиот! – ответил на его вопрос Борщ, повернувшись ко мне.

– Итак, – продолжил я, – для чего вы пригласили меня на встречу?

– Мы очень надеемся, что вы нам поможете.

– Чем смогу, – сухо ответил я, решив, что разговаривать с ним стоит «короткими перебежками», а остроумничать не стоит вовсе.

– Всем сможете. Всем, что нас интересует, ради того, что вам дорого, – прозвучала угроза в виде предупреждения.

– Раз уж разговор принял такой формат, то придется согласиться с вами.

– Придется – это формулировка, в которой слышится неуверенность вперемежку с несогласием, а отсюда возможность применения другого варианта. Но я вас успокою тем, что избавлю от головной боли выбора, – в данной ситуации его просто нет.

– Хорошо. Что вы хотите?

– Совсем немного. Только узнать о ваших друзьях.

Внутри у меня все похолодело. Что могло быть хуже разговора с таким типом о родственниках или друзьях?

– О ком именно? – едва овладевая эмоциями спросил я.

– Несколько человек. Игорь, Юрий и Константин.

На сердце у меня немного отлегло. Юрия и Константина среди моих друзей не было. Было несколько знакомых с такими именами, один даже совсем «свежий», но не друзей. Хуже обстояло дело с Игорем. Даже несмотря на то, что судьба давно уже развела меня со школьным другом, я испытал какую-то тревогу.

– Но больше всех нас интересует Олег Попов, – поторопился продолжить Борщ, и тем выдал себя. – Где он?

Тут до меня дошло, что я попал на розыгрыш. Близился день моего рождения и Саньч до своего отъезда обещал в качестве подарка устроить для меня сюрприз. Зная Саньча, как большого затейника и приколиста, я понял, что это и есть придуманный им сюрприз. И шутка, признаюсь, удалась! Но интригу «режиссер» мог бы сохранить и подольше. Впрочем, поволноваться мне итак пришлось, поэтому зачтено! Настроение ко мне вернулось, а с ним и аппетит. Я принялся с удовольствием есть, решив, продолжить участие в предложенной Борщом игре. Мне стало очень интересно: как у парня с фантазией, куда он еще «завернет» и кто из нас, в конце концов, сдастся первым? Внутри меня от столь быстрого разоблачения «режиссера» все ликовало, но я старался не подавать виду: сидел мрачный, ел, низко наклонив голову, словно прятался в тарелку, и молчал.

– Вы забыли? – спросил Борщ. Он наоборот сидел ровно, не кушал и смотрел на меня с ироничным выражением на лице.

– Что? – спросил я, робко подняв глаза.

– Две вещи. Что я задал вам вопрос и где Олег Попов?

Не знаю, как я не рассмеялся. Хотя тема, конечно, сама по себе не очень веселая, но игра получалась просто презабавная.

– Дело в том... что Олег Попов умер... – потупившись ответил я. – Насколько я помню из новостей, он последние годы проживал в Германии и там же похоронен.

– У вашего друга не только имя, но и судьба фантастически схожа с судьбой выдающегося русского клоуна!

– Так я о клоуне, Олеге Попове, и говорю. Только не понимаю: почему вы называете его моим другом?

– Это не я, а вы так назвали Романа Синькина в своей книге.

– Так вы разыскиваете человека, которого никогда не существовало? Как, впрочем, и самой истории.

– Андрей, – очень серьезно, даже грустно, сказал Борщ. – В вашей повести, пусть и не детально, но очень точно описаны события пропажи документации с оборонного предприятия повышенного уровня секретности, которое имело место быть не так давно. Довольно подробно рассказано о городе... Я не стану говорить название этого города, вы прекрасно его знаете раз уж написали о нем...

Захар прервался и внимательно изучал меня. Я, по всей видимости, совсем вошел в роль и превратился в каменное изваяние с ложкой в руке.

– Но это же все выдумка... – выдавил из себя я.

– Да неужели? Трех таких совпадений быть не может.

– Прозвище Синькина не совпадение... Или...

– Да, «или»... Нам совершенно безразлично как его прозвали. Нам нужно понять где он находится. Нас очень беспокоят подобные «клоуны». Это же он рассказал вам о ракете?

– О ракете?..

– Да, о ракете, о ракете! Это же с его слов вы написали о ней?!

– Я...

– Это удивительно, как в одной книжке в пятьдесят страниц можно было разболтать три государственные тайны! Вы понимаете, что это можно приравнять к измене родине за разглашение! – не стал слушать мое оправдание Борщ.

«Вот это да! Великолепно! – восхищался я. – Ай, да Саныч! Так подготовить сюрприз! А Борщ-то, прекрасно играет! Где он взял его? Отличный актер!»

– Давайте договоримся так, – продолжил Захар несколько успокоившись. – Я понимаю, что имена ваших друзей в книжках могут быть изменены, поэтому даю вам один день на поиски прообразов и завтра мы продолжим разговор. Что я имею ввиду под поиском: вы установите их местонахождение, но ничего не расскажете о том, кто и для чего ими интересуется и вообще ни обо мне, ни о нашем сегодняшнем разговоре. Неточная информация приведет к нашей дополнительной встрече, но уже не в кафе. Информация заведомо ложная станет поводом для гарантировано неприятного разговора. Пока, как видите, у нас все мирно и, надеюсь, завтра мы также спокойно побеседуем и все закончится. Угу? Итак, Игорь, Юрий, Константин и... Олег Попов? Или Роман Синькин? Как вы больше любите называть своего друга?

– Захар, ну, с Юрием я, кажется, все понял, а вот какой Игорь и какой Константин вас больше интересует? Их в повестях по два.

– Костя, который не боксер, а Игорь, который Игорёк, разумеется, – без запинки ответил Захар и поднялся.

«Ну, клево подготовлен! Молодчага!» – отметил про него я.

– Борщ, кстати, сегодня невкусный, – бросая деньги на стол, подвел итог беседе Борщ, и не попрощавшись пошел к выходу. Около барной стойки он остановился, сказал что-то бармену, потом показавшемуся из кухни официанту и вышел из кафе.

«А мне понравился!» – подвел свой итог я и, разогнувшись, принялся доедать свою остывшую порцию.

Официант принес мне счет за две порции борща и одни гренки.

– Чего это так? – поинтересовался я.

– Приятель ваш заказал пять порций, а денег оставил за четыре.

– Он вроде четыре и съел... – прикинул вслух я.

– Он-то четыре, а баба его пятую.

– Получается она не его, а моя теперь... – ответил я, расплачиваясь за двоих.

– Он ее счет всегда на кого-нибудь вешает, – весело сказал официант. – Даже конфликты случались.

– Как это ему удастся?

– Да как сейчас. Бармену говорит, что деньги на столе оставил, а там не хватает.

– Хорошо, что хоть без греноч... Следит, видимо, «баба» за фигурой. А то совсем разорительно бы вышло.

– Да чего следит? Это он ее одним борщом кормит, а когда она с нормальными парнями приходит, то ест все подряд по меню.

– А они часто бывают?

– Она чуть не каждый день с ребятами приходит на обед. А этот раз в неделю, когда борщ. Мы его Борщом и называем. Только его и жрет. Как только не покраснел еще?..

– Правда? Борщ?.. Какое совпадение... – задумчиво сказал я. – А он кто?

– Не понятно... Может агент по найму какой... Постоянно тут с разными людьми трется по средам. Но не бизнесмен.

– Почему?

– Да собеседники его какие-то странные. Либо помятые, бомжеватые, либо наоборот, интеллигентного вида... Но те в возрасте. Как артисты что ли... не знаю, как сказать... или, может, художники. Но не при деньгах, видно по ним. Из искусства, в общем... На деловых людей мало похожи.

– А сам он к искусству не может принадлежать?

– Ага... к искусству втирания! Вы ж сами с ним разговаривали, лучше меня, наверное, должны понять кто он.

– Вот не понял...

– Ну, а мне ж откуда понять? Я с ним не разговаривал и не собираюсь. Но со стороны все это очень похоже на разводку... Все сначала сидят с ним нормальные, но постепенно начинают в лицах меняться. Потом этот уходит, а они сидят бледные, задумчивые, как задание какое получили.

– Я тоже менялся?

– Не знаю, я не смотрел. Мне уже надоел он за год. Сначала любопытно было, поглядывал, а теперь так... Иногда взглянешь, когда какой-нибудь действительно персонаж приходит. А на вас чего смотреть? Обычный человек.

– Может он следак? – попытался я, не особенно веря в незнание официанта, вытянуть из него сведения.

– А кто ж его знает... Но я бы с ним дел иметь не хотел.

– Почему?

– Ну, на улице бы разобрались, по-пацански, а так... нет. Мне кажется он мастер чего-то неприятного. Проблемы людям создавать.

– Это что ж? Профессия такая? – подумал вслух я. – Хорошо сказано: «мастер чего-то неприятного»... Кто же это может быть?

– Борщ! – без раздумий ответил официант.

– Точно... – рассмеялся я, собираясь.

– Вам понравилось? Еще придете?

– Только когда на первое не борщ.

– Значит любой день кроме среды. В воскресенье тоже борщ, но этот придурок в выходной не приходит.

Дорогой домой я думал, что Захар, он же Гусь, он же Борщ, пожалуй, меня переиграл. В его пользу было вовремя прекратить разговор, чтобы вопросы не начал задавать я. Так он и поступил. В мою пользу именно то, что прекратил он его на своей фразе, не дав мне разговариваться. Еще очков мне добавляло его бегство. А по-другому из разговора он бы и не вышел – я бы его на чем-нибудь поймал. Но оставленный мне счет за незнакомку – это, конечно, безоговорочная победа! Молодец! Надо будет позвонить Санычу, поблагодарить за розыгрыш и узнать про «бабу», как ее официант назвал.

Запутавшись в делах, Санычу я позвонить забыл.

После кафе старший лейтенант Захар Сахаров сразу приехал в управление. О его настроении после разговора со мной ничего не известно. Дежурный обратил внимание только на преследующую Захара икоту и распространяемый с ней дурной запах борща.

– Давай к шефу, – сказал дежурный, когда пришедший расписывался в журнале.

– Прямо «давай»? – огрызнулся старлей.

– Не, не прямо. Криво. Через туалет, – умыться бы тебе не мешало и рот прополоскать. Вот, на, – и он положил на журнал конфету «Барбарис».

Через десять минут Захар уже стоял в мрачном от отсутствия света, который начальник включал, когда уж совсем ничего не было видно, кабинете своего руководителя – полковника Колмыкова Александра Анатольевича и пах хуже прежнего: дешевым мылом общественного туалета, с которым умыл лицо, леденцом «Барбарис» и, конечно, непобедимым борщом, от которого продолжал икать.

– Что у тебя? – даже не поздоровался Колмыков. Он сидел за столом угрюмее тучи.

– Вызывали? – поинтересовался Захар.

– Не просто вызывал, искал даже! Где тебя носит? С разработкой что у тебя? – очень недовольно спросил начальник. – Похвастаться есть чем?

– Только что встречался с одним...

– С двумя! – поправил, повысив голос, полковник. – Ты давай бросай это, Сахаров, по три часа обедать. Мы на розыскные мероприятия не для того вас направляем, чтобы вы по полдня болтались не пойми где.

– Александр Анатольевич, я ж поэта обрабатывал...

– Обрабатывал ты, Сахаров, подругу свою длинноногую, не свисти мне. Сначала ее обрабатывал, а уж потом начал с клиентом работать. Только называются подобные встречи «разработка», пора уже научиться называть вещи своими именами и не путать понятия. Это первое. Второе. Отвечать, когда старший по званию к тебе обращается, нужно по форме: «Так точно!» И третье. Какие успехи, еще раз спрашиваю? Завтра общее собрание подразделения. Генерал будет выступать с итогами за год. Мне ему сегодня нужно доложить о работе отдела. А докладывать практически нечего. Кое-какие достижения есть у Псальского и Яшина. Остальные, включая тебя, только видимость создают. Сколько у тебя сейчас дел в разработке?

– Семь, Александр Анатольевич.

– Сам знаю! Всего семь и никаких результатов! Меньше всех дел. У Алешина восемнадцать и то успеваешь, результат есть; по двум даже хороший.

– Александр Анатольевич, я наверстаю... я же позже других начал...

– Что ты наверстаешь мне за два часа? Мне к генералу на доклад идти. Что я ему скажу про тебя? Про всех есть хоть что-то сказать... По сегодняшней встрече какой «выхлоп»?

– Александр Анатольевич, клиент сложный. Похоже не понимает меру ответственности, пока к сотрудничеству не готов...

– Не готов?! – вскипел начальник. – У нас что тут курсы? Что это значит: «готов, не готов»? Это о тебе, Сахаров, можно говорить: «готов, не готов», и ты, видимо, действительно к этой работе не вполне готов. Ты готовить можешь подругу свою, чем и занимаешься регулярно в рабочее время, а клиента готовить не надо. Помнишь, что стало с этой... как ее... Тамара... твоё первое дело? Слишком долго «готовил» барышню. Так долго, что она твои намерения срисовала и мотнула в Чехию. Дело ее на тебе висит до сих пор, не забывай. Я его с тебя не сниму. Только не надейся на заграникомандировку!

– Александр Анатольевич, я же не знал, что у нее двойное гражданство...

– Сахаров, это мне простительно не знать, – мое дело знать другие вещи. Она у тебя в разработке была, ты ей занимался. Не я, не Псальский, не генерал, не Пушкин... Александр Сергеевич. Только ты. Поэтому все должен был выяснить. Или ты до сих пор считаешь их глупее себя? Они писатели! Ты книжки-то хоть читаешь? О таких жанрах как триллер, детектив представление имеешь?

– Так точно!

– Что «точно-то»? Не читаешь ты ни черта, а только пролистываешь! Значит работу свою выполняешь «абы как» и потому долг свой, за который ты присягу давал, не исполняешь. Вот из-за таких как ты, недооценивающих бульварную литературу, порой самое дурацкое, нелепое на первый взгляд преступление, которое придумала Донцова, Маринина и подобные, повисает на месяцы. Бабы придумали... а может и не придумали... не суть... а у нас «висяк» с «головняком»! Какой-нибудь Емеля повторяет его практически под копирку. А что ж? Все так пошагово, подробно расписано, легко исполняется и, главное, что вряд ли кто-то его станет искать по такому общедоступному сценарию. И оказывается прав! Потому как мы недооценили, а некоторые из нас, так вообще не в курсе. Не владеют ситуацией! А недооценивать писателей нельзя. Они таких историй напридумывают, так навертят-накрутят сюжетец, – просто учебник для преступника, а не книга... У них мозги работают совершенно по-другому; да и сами они в другом измерении живут. Поэтому и задача наша выявить: кто из них шизофреник-тихушник, безобидный, а кто реально опасен. Для того и создано наше подразделение. Чем невероятнее ими придумана история, чем сильнее закручен сюжет, и не важно хорошо или плохо, как нам

с тобой кажется, стройно или коряво это написано, тем быстрее автор с такой безграничной фантазией, срисует, что ты от него добиваешься и сольется. Это ясно?

– Так точно!

– Конечно «точно»! Тамара твоя мне до сих пор икается... Отчет о встрече напишешь за час, не больше, и в дело этого, сегодняшнего приложишь. Чего ты его поэтом называешь? Поэты стихи, вообще-то, пишут... Ладно, пусть поэтом будет... Папку мне на стол. Я посмотрю. Ты про ракету с ним не говорил, я надеюсь?

– Никак нет! – соврал Захар.

– Тогда так. Завтра утренним поездом поедешь к этому своему, альпинисту. Его нашли, он дома. Пока опять куда-нибудь не полез нужно с ним поработать. Там же рядом, как оказалось, в часе езды, Алешинский клиент. Передаю его тебе, Алешин завален в отличие от тебя. Подойдешь к нему, он расскажет подробности, в поезде дочитаешь. Все понял?

– Так точно! Александр Анатольевич, я сегодняшнему встречу на завтра поставил. Отменять?

– Отменяй. Через пару дней, когда вернешься, сюда его притащишь. Я сам побеседую. Про ракету точно ничего не говорил? Не соскочит за это время?

– Так точно!

На следующий день звонок издателя раздался еще раньше прежнего. Голос у Виктора Станиславовича был совсем грустный, а утро, по всей видимости, не доброе. Не помню даже поздоровался он со мной или нет.

– Мне снова звонил твой режиссер, – устало сообщил он. – Ты что не мог с ним напрямую договариваться? Почему он через меня тебя ищет? Я же издатель все-таки, а не твой менеджер.

– Виктор Станиславович, доброе утро, – ответил я. – Да это не режиссер.

– А-а-а, опять не режиссер! – раздраженно произнес издатель.

Некоторое время назад также через Виктора Станиславовича, тогда еще довольного и приветливого, на меня вышел некий только что вылупившийся из института кинематографии режиссер Сергей. В отличие от Борща, он был настоящий режиссер, о чем свидетельствовал с гордостью представленный мне для ознакомления документ. Сергей собирался снимать картину и, чтобы побыстрее стать узанным широкой публикой, решил взять для дебюта не классику, шансов преуспеть в экранизации которой он не имел, а «что-нибудь злободневное или с нестандартным мышлением от малоизвестного автора», как он сказал. На это, по его видению, подходила одна из моих повестей. Польстил Сергей мне этим признанием мало, так как я и сам уверен, что именно она очень подходит для экранизации и даже написал сценарий, но, дабы кино получилось, материал, и считал и считаю, слишком сложным чтобы доверить его абы кому, да простит мне начинающий кинематографист! Этот фильм в моей голове демонстрируется весьма часто, поэтому я отчетливо вижу и прекрасно понимаю, кто из современных режиссеров, работающих в соавторстве с операторами, постановщиками и сценаристами, смог бы сделать его таким, каким показывает его мое воображение, а кто не сможет. И бюджет такой картины представляется мне в полной мере. Поэтому прежде всего, чтобы не сразу отказывать Сергею, да и, чем черт не шутит, может избавиться от такого оскорбительного заблуждения на счет начинающих мэтров мировой киноиндустрии, я попросил показать мне его дипломную работу. Сергей с радостью, кто бы сомневался, согласился.

Кино оказалось про времяпровождение подростков и было настолько дрянным, что продолжать наше общение не имело смысла. Посмотрев «картину», мне даже пришла в голову крамольная мысль, что не окончить институт кинематографии невозможно! Какую бы чушь ты не снял «на диплом» тебя либо выгонят в большой синематограф, либо выпустят в него, но однозначно в обоих случаях с «корочкой», ведь видение режиссера можно обсуждать сколь угодно долго, но никакого решающего значения для него постороннее мнение иметь не будет,

а уж критику подобных мне невежд оно не приемлет и подавно. Он же ведь творец, вот потому как видит, так и снимает!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.